

Высокая и трагическая поэзия Александра Нестругина далека от камерности. Потому что в ней — Река, и Река эта — не только Дон. Это Река судьбы — его, поэта, и нашей судьбы. В ней — небо и степь, отклик «близких и пока далеких»...

Она далека от камерности особенно сегодня, когда всеобъемлющая память художника «вздывает век», поворачивает время вспять, поднимая народную залежь, и стремится бросить в почву светлые зерна будущего, дабы они пустили спасительные корни, и зовет, влечет — «к светлым чувствам и истинам ясным»... Это — гражданская поэзия высокой пробы, она не ждет личных наград, но требует, мучительно требует — счастья для своей Родины. Растерзанной, распятой, оболганной...

Век минувший оболган —
Будто сдали врагам
И горящую Волгу,
И Мамаев курган.

Карту минувшего пытаются перекроить, а то и стереть. Но век жив в сердце поэта, в глубине миллионов душ памятью и скорбью, надеждой на торжество истины. И многие подписались бы под этими строками:

И вновь они встают передо мной,
Согретые победным алым стягом,
Не ставшие ни страхом, ни виной, —
Звезда, и серп, и молот, — над рейхстагом.

Так Нестругин, все понимая и обо всем горя, надеясь и каясь, пытается отдалить от разобщенного народа гибельную точку *невозврата*, за которой — распад всех наших устоев...

...Горя, в крике не зайдусь,
И, может, в дни прозрений трудных
Хоть тихих слез от них дождусь —
Не напоказных, не прилюдных.
Хоть — молчаливой невражды...
И будет это «подаянье» —
Навек ли, навседы, завжды? —
Как траур. И — как покаянье.

Поэзия Нестругина все чаще отходит от личного, самоуглубленного, пусть даже и неотделимого от земли и судьбы, прорываясь к народному, общественно-социальному, даже — политическому. Она вобрала в себя многое — и гагаринский клич, и имперскую обиду янычар, и через отвращение — темный, хмельной шум истории, кривляния власти и «бешеных трибун слюну»...

И все-таки истерзанная, почти обреченная вместе со страной, его поэзия сохранила чистоту, святое неумение возыметь, сокровенную речь отчих мест, которую не всякий вития услышит. Сможет ли он воплотить с некрикливой болью и суровой нежностью *свою* землю, как это делает Нестругин:

...где чертит путь росинка
По лопуху — как след слезы.
И к грядкам клонятся косынки,
Платки, и даже — картузы.

А вот еще — высоко исповедальное, знаковое:

Не надо золотых тиснений
Прилаживать на переплет...
Я им чужой — такой несмелый,
Набравший многоточий в рот.
Я так касался строчек дрожкой,
Так молчаливо словом жил,
Что даже имя на обложке
Пугает голосом чужим...

Не нужно золотых тиснений, необходим Глагол — небесный, земной, вечный, надрывный, русский. И несмелые, застенчивые многоточия тончайшей лирики ему не помеха, но, может быть, — помощь? Пусть — «даже имя на обложке» вызывает некий страх, все-таки есть у поэта пересиливающая радость высшего порядка: радость прозрения, радость выражения, радость причастности к родине, которая не хочет, да и не может с тобой распрощаться...

Так через всю книгу прямой (упрямой!) речью утверждается большая и малая Родина, а вместе с ней — поэзия. И нет меж ними зазора, хоть спиты они суровым швом и больно перебинтованы, и сукровица сочится... Но все же они — едины!

Дышащая жизнью новая поэтическая книга Александра Нестругина непременно должна обрести своего вдумчивого, благодарного читателя. Дай Бог ей дорожки — доброй и долгой!

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

УПРЯМАЯ РЕЧЬ

Современная русская поэзия

